

К.ЛЕВИ-СТРОСС

ЛИНГВИСТИКА И АНТРОПОЛОГИЯ*

Быть может, впервые антропологи и лингвисты собрались обсудить отношения между своими дисциплинами. Задача действительно нелегкая. Трудности, с которыми мы столкнулись во время наших дискуссий, объясняются, как мне кажется, многими причинами. Мы не удовлетворились общим сопоставлением лингвистики и антропологии. Мы поставили своей целью рассмотреть многие уровни, и у меня создалось впечатление, что много раз на протяжении дискуссии мы бессознательно соскальзывали с одного уровня на другой. О каких уровнях идет речь?

Так, мы интересовались отношением между *конкретным* языком и *конкретной* культурой. Необходимо ли, например, знание языка для того, чтобы изучать ту или иную культуру? И если необходимо, то в какой мере? И включает ли в себя знание языка знание культуры или, по крайней мере, некоторых ее сторон?

Мы дискутировали также на другом уровне. Там вопрос стоял уже не об отношении между *конкретным* языком и *конкретной* культурой, а между *языком* и *культурой вообще*. Не пренебрегли ли мы несколько этой стороной дела? Во время дискуссии ни разу не стала предметом обсуждения проблема отношения культуры к ее языку. Например, отношение к языку нашей цивилизации можно рассматривать как неумеренное: мы говорим по всякому поводу; для того чтобы выразить свое мнение, спрашивать, комментировать, для нас хорош любой предлог. Между тем привычка неумеренно пользоваться разговорным языком не только не универсальна, но даже не очень распространена. Так, большинство культур, которые мы называем примитивными, напротив, бережно пользуются языком; их носители не говорят по всякому поводу и при всех обстоятельствах. Нередко разговоры в этих культурах ведутся только

* Levi-Strauss C. Linguistique et anthropologie. Appleton, 1945. P. 1–26. Пер. Мостовой Л.А. // Перевод опубликован в сборнике: Леви-Стросс К. Структурная антропология. Пер. Рыклина М. / Отв. ред. М.М.Скибицкий. М.: ИНИОН АН СССР, 1980. С. 152–165. Статья впервые увидела свет на английском языке в журнале «Supplement to International Journal of American Linguistics», Vol. 19, N 2, April 1953, Mem. 8, 1953. Переведена на французский язык и перепечатана в «Anthropologie structurale». P.: Plon, 1968. P. 77–91.

Леви-Стросс Клод (р. 1910) — известный французский этнолог, представитель структурализма.

в предписанных обычаях ситуациях, вне которых слова сохраняют про запас. Такого рода проблемы в процессе наших споров возникали, но мы не придавали им того значения, что проблемам первого уровня.

Еще меньше внимания было уделено третьей группе проблем. Я имею в виду уже не отношение конкретного языка или языка вообще к конкретной культуре или к культуре вообще, но отношение между лингвистикой как наукой и антропологией как наукой. Этот, на мой взгляд, фундаментальный вопрос остался на заднем плане наших дискуссий. Чем объяснить такое неравномерное распределение внимания? Дело в том, что проблема взаимоотношений языка и культуры является одной из самых сложных. Язык можно брать как *продукт* культуры — язык общества отражает общую культуру населения. Но язык также является *частью* культуры и представляет собой один из ее элементов. Вспомним знаменитое определение Э.Тайлора, согласно которому культура является сложным агрегатом, включающим в себя орудия, верования, обычаи и, само собой разумеется, язык. Эти проблемы зависят от точки зрения, с которой их рассматривают.

Но и это еще не все. Язык в двух отношениях можно рассматривать как условие культуры. Во-первых, в плане диахронии, потому что индивид усваивает культуру группы, прежде всего, через язык. Ребенка бранят, хвалят и наставляют словом. Во-вторых, язык является условием культуры и с теоретической точки зрения, поскольку последняя обладает сходной с языком архитектурной. В основе языка и культуры лежат логические отношения оппозиции и корреляции. Язык также можно рассматривать как основу, на которую нередко накладываются более сложные структуры того же типа, соответствующие различным аспектам культуры.

Эти замечания касаются объективной стороны интересующей нас проблемы.

Но она включает в себя немаловажные субъективные стороны. У меня создалось впечатление, что мотивы, побудившие антропологов и лингвистов встретиться для нынешних дискуссий, не только не были сходными, но временами доходили до полной противоположности. Лингвисты постоянно втолковывали антропологам, что у них вызывает беспокойство современная ориентация их науки, что они боятся потерять контакт с другими гуманитарными науками, так как их методология становится все более абстрактной и их коллеги испытывают всевозрастающие трудности ее понимания. Лингвисты (прежде всего структуралистского направления) хотят получить ответ на следующие вопросы: «Какова при-

рода изучаемой нами реальности? Почему наша наука все более отдаляется от культуры, общественной жизни, истории и от самих говорящих на языке людей?» Лингвисты решили устроить встречу с антропологами, видимо, потому, что они рассчитывают с нашей помощью возродить то конкретное понимание явлений, от которого явно уводит их метод.

Проблемы эти находят у антропологов неоднозначный прием. По отношению к лингвистам мы чувствуем себя в деликатном положении. Многие годы мы работали с ними бок о бок и вдруг начинаем замечать, что лингвистика как бы исчезает из нашего поля зрения; мы видим, как она скрывается за стеной, которая долгое время считалась непроницаемой, стеной, которая отделяет точные естественные науки от наук гуманитарных и общественных. Иначе говоря, лингвисты начинают работать с той строгостью, которую мы привыкли считать привилегией естественных наук. По этой причине мы, признаться, испытываем к ним двоякие чувства: массу зависти и немного грусти. Нам хотелось бы почерпнуть у лингвистов секрет их успеха. Не могли бы и мы, антропологи, применить к сложному объекту наших исследований — изучению родства, общественной организации, религии, фольклора, искусства и т.д. — точную методологию, действенность которой ежедневно доказывает лингвистика?

И это еще не все. На протяжении последних трех-четырёх лет мы видим не только расцвет лингвистики в плане теоретическом; но замечаем, как налаживается сотрудничество лингвистов с инженерами новой науки, науки о коммуникации. Представители структурной лингвистики уже не удовлетворяются изучением собственно языковых проблем: они обращаются к инженерам с просьбой сконструировать устройства для экспериментальной проверки своих гипотез. Таким образом, гуманитарные науки впервые перестают быть пассивными созерцательницами успехов точных естественных наук как некоего рая, доступ в который им навеки закрыт. Лингвистике удалось прорубить окно между естественными и гуманитарными науками. Антропологи и лингвисты собрались на эту конференцию, если я не ошибаюсь, по противоположным мотивам. Лингвисты идут на контакты с нами в надежде на большую конкретизацию своих исследований, мы же видим в них руководителей, способных вывести нас из тупика, на пребывание в котором осуждает нас чрезмерная близость к конкретно-эмпирическим явлениям...

...Индийцы онейда, по данным нашего коллеги Лаунсберри, пользуются двумя типами префиксов для обозначения женского рода. И хотя во время полевого исследования Лаунсберри очень внимательно сле-

дил за типами социального поведения, сопровождающими употребление того или иного префикса, он не смог заметить в этом отношении сколько-нибудь существенных различий. Но не был ли вопрос с самого начала неверно поставлен? Как можно установить искомое соотношение на уровне поведения? Поведение не находится на одном уровне с бессознательными категориями мышления, и для того, чтобы понять различительную функцию двух префиксов, нужно сначала путем анализа достичь уровня бессознательного. Социальное поведение относится к уровню эмпирического наблюдения, то есть к уровню более поверхностному, чем языковые структуры.

Тем не менее, едва ли, думается, можно считать чистым совпадением наличие дихотомии женского рода в обществе ирокезского типа, в обществе, где материнское право доведено до своей предельной формы. Не будет ли верным сказать, что общество, придающее женщинам значение, в котором им отказывают другие общества, должно заплатить за это в другой форме? В данном случае плата заключалась в неспособности мыслить женский род как цельную гомогенную категорию. Общество, которое, в противоположность почти всем другим обществам, признало за женщинами все их способности, взамен оказалось вынуждено уподобить часть этих женщин — очень молодых девушек, еще не достигших полового созревания — не человеческим существам, а животным. Но, выдвигая эту гипотезу, я постулирую соответствие не между языком и поведением, а между общественной и языковой структурой, подвергшимся предварительной формализации.

Приведем еще один пример. Составными частями подлинно элементарной структуры родства, если угодно атома родства, являются муж, жена, ребенок и представитель группы, из которой муж взял себе жену. Заключать браки внутри кровнородственной семьи запрещает всеобщее правило инцеста, из которого с необходимостью вытекает союз двух семей или двух кровнородственных групп. Попытаемся учесть на этой основе все комбинации типов поведения, возможных внутри элементарной структуры, исходя из предположения, что отношения между индивидами бывают либо позитивными, либо негативными.

Некоторые из комбинаций соответствуют эмпирической реальности, наблюдаемой этнографом в конкретных обществах. Когда отношения между мужем и женой носят позитивный, а между братом и сестрой негативный характер, возникают два коррелятивных типа поведения: позитивные отношения между отцом и сыном и негативные — ме-

жду дядей по материнской линии и племянником. Распространена также симметричная этой, но перевернутая структура. Другими словами, часто встречаются расположения типа (+ -) или (- +). Сочетания типа (+ -) встречаются часто, но отличаются неустойчивостью, а сочетания типа (- +) встречаются редко, а в выраженной форме, вероятно, и невозможны, потому что несут с собой опасность расщепления элементарной структуры (диахронного и синхронного).

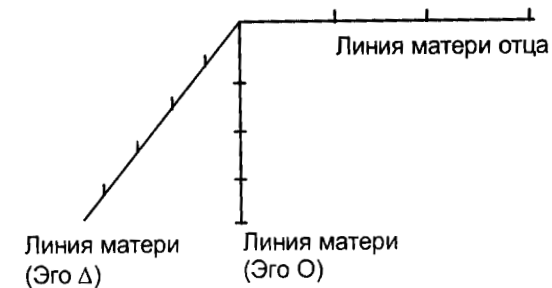
Возможно ли перенести такого рода формализации на языковую почву? Я не вижу для этого подходящей формы. Тем не менее антрополог явно использует здесь метод, близкий к методу лингвистики. В обоих случаях речь идет о единицах, образующих систему. Но тщетно было бы продолжать сравнение и искать корреляции, например, между структурой поведения и структурой фонем или синтаксиса языка рассматриваемой группы. Это занятие не имело бы никакого смысла.

Попытаемся рассмотреть эту проблему поближе. В центре наших дискуссий часто оказывались имя и идеи Б. Уорфа. Он действительно стремился обнаружить корреляции между языком и культурой, хотя, как мне кажется, ему не всегда удавалось это доказать. Причина этой неудачи заключается в том, что по отношению к культуре американский лингвист оказывается куда менее требовательным, чем по отношению к языку. К языку он подходит как лингвист (не мне судить: хороший или плохой), то есть объект не дан Уорфу эмпирически и интуитивно, но возникает в результате методичного анализа и значительной работы абстракции. Что же касается культурной реальности, с которой он язык сравнивает, то она дана почти такой, какой дает ее грубое наблюдение. Уорф пытался найти соответствие между предметностями, которые по качеству наблюдения и тонкости проведенного анализа относятся к весьма различным порядкам.

Перейдем, однако, на уровень систем коммуникации. По поводу самих обществ, послуживших Уорфу предметом изучения, можно высказать два наблюдения. Во-первых, нельзя изображать систему родства индейцев хопи в виде двухмерной модели. На необходимость в данном случае трех измерений указывают, кроме того, все системы типа Кроу-Омаха. Какова причина этого? Система хопи включает в себя три типа временных измерений. Первое соответствует материнской линии (для эго женского пола) — это хронологическое, поступательное и непрерывное время, в рамках которого по порядку следуют термины «бабка», «мать», «эго», «дочь», «внучка». Это — генеалогический континуум.

Континуумы же, внутри которых разворачиваются другие линии, обладают иными свойствами. В линии матери отца индивиды разных поколений обозначаются одним термином: так, жена всегда является «сестрой отца», будь то мать, дочь или дочь дочери. Данный континуум является как бы пустым кадром, внутри которого ничто не происходит. Для эго мужского пола материнская линия разворачивается в континууме третьего типа, в котором поколение за поколением индивиды подразделяются на два класса: класс «кровных братьев» и класс «племянников» (схема 1).

Схема 1.

Те же три измерения вновь дают о себе знать в смягченной форме в системе родства индейцев племени зуньи. Любопытно, что прямолинейный континуум материнской линии уступает у зуньи место кольцевидному континууму с тремя терминами: один термин обозначает «бабка» или «внучка», второй — «мать», третий — «дочь».

Рассмотрим теперь третью систему родства племен: пуэбло, групп акома и лагуна, относящихся к лингвистической семье кересан. Эти системы родства характеризуются большим числом так называемых «взаимных» терминов. Другими словами, два индивида, положение которых симметрично по отношению к третьему, называют друг друга одним-единственным термином.

При переходе от хопи к акома мы замечаем множество трансформаций в плане систем родства. Трехмерная модель уступает место двухмерной. Система трех осей координат, представимая в форме временных континуумов, претерпевает у зуньи изменения, а у акома становится пространственно-временным континуумом, поскольку наблюдатель внутри системы не может мыслить свое отношение с другим членом сис-

темы иначе, как через посредство третьего члена, который должен быть дан одновременно.

Эти трансформации соответствуют тем, которые анализ мифов позволяет выделить при сравнении версий одних и тех же мифов у племен хопи, зуны и акома. Возьмем, к примеру, этиологический миф. Индейцам хопи сотворение мира рисуется по типу генеалогического древа: божеества живут одной семьей и являются в духе греческого пантеона мужьями, женами, отцами и т.д. У зуны эта генеалогическая структура выражена далеко не столь явно, и соответствующий миф организуется у них исторически и циклически. Иными словами, история разделена на периоды, каждый из которых приблизительно воспроизводит предшествовавший период; основные действующие лица поддерживают между собой отношения гомологии. Наконец, у акома большинство протагонистов, выступающих в мифах хопи и зуны как индивиды, удваивается и предстает в виде пар лиц с противоположными атрибутами. Так, сцена возникновения мира, находящаяся в версиях хопи и зуны на первом плане, почти исчезает у акома за сценой сотворения мира при содействии двух сил (верха и низа). Миф акома представляет собой не непрерывную и периодическую прогрессию, а множество биполярных структур, аналогичных соответствующим структурам родства.

Какой из этого можно сделать вывод? Если корреляция существует между двумя столь отдаленными системами, как родство и мифология, то гипотеза, согласно которой подобная корреляция существует также в отношении языковой системы, не содержит в себе ничего фантастического или абсурдного. Определение типа корреляции выпадает на долю лингвиста. Но антропологу показалось бы странным, если бы корреляция между ними не оказалась. Ведь это означало бы, что корреляция между удаленными областями (такими, как мифология и родство) теряет смысл при сравнении областей значительно более близких (мифологии и языка).

Такая постановка вопроса приближает нас к лингвисту. Последний изучает язык во всех его аспектах, в том числе и во временном. Он занимается различными модальностями, которые понятие времени принимает в разных языках. Нельзя ли сравнить проявления этих модальностей в плане лингвистическом и в плане родства? Не предвосхищая результата дискуссии по этому вопросу, мы считаем, что можем положить ей начало и что на поставленный вопрос может быть дан положительный (или отрицательный) ответ.

Перехожу к более сложному примеру, который покажет то, как должен анализировать свой объект антрополог, если он желает продвигаться навстречу лингвисту и встретиться с ним в одной общей точке. Рассмотрим два вида социальных структур, наблюдаемых в двух отдаленных друг от друга регионах (один из них протяженностью приблизительно от Индии до Ирландии, другой тянется от Ассама до Манчжурии). Я не хочу тем самым сказать, что каждый из этих регионов представлен одним-единственным типом социальной структуры. Просто я исхожу из того, что в вышеуказанных регионах с довольно туманными контурами, которые грубо соответствуют зоне индоевропейских и сино-тибетских языков, соответствующие системы встречаются наиболее часто и в наиболее выраженной форме.

Охарактеризуем эти структуры посредством трех критериев: брачных правил, социальной организации и системы родства. Получается следующая картина (см. табл. 1).

Таблица 1.

	Индоевропейская зона	Сино-тибетская зона
Брачные правила	Круговые системы, прямо или косвенно вытекающие из эксплицитных правил в силу того, что выбор супругов определяется вероятностными закономерностями	Круговые системы, существующие с системами симметричного обмена
Социальная организация	Многочисленные социальные единицы, организованные в сложные структуры (типа расширенной семьи)	Немногочисленные социальные единицы, организованные в простые структуры (типа кланов или линий)
Системы родства	а) отсчет от субъекта; б) небольшое количество терминов	а) объективного типа; б) с очень большим числом терминов

Рассмотрим сначала правила брака. Несмотря на кажущиеся различия, большинство систем, встречающихся в индоевропейской зоне, могут быть сведены к простому типу, который в другой работе я назвал системой кругового обмена или простой системой обобщенного обмена, системой, которая допускает интеграцию любого числа групп. Лучший пример такого рода системы — правило предпочтительного брака с дочерью брата матери, при котором посредством простой операции груп-

па А получает женщин от группы Б, группа Б — от группы В, а эта последняя — от группы А. Брачные партнеры расположены в круговом порядке, и система функционирует при любом их числе, потому что всегда сохраняется возможность ввести в обращение дополнительных партнеров.

Это вовсе не означает, что в далеком прошлом все народы, ныне говорящие на индоевропейских языках, практиковали брак с дочерью брата матери. Мое предположение не претендует на звание исторической реконструкции. Я ограничился констатацией того факта, что большинство брачных правил, соблюдаемых в зоне, являющейся одновременно зоной распространения индоевропейских языков, прямо или косвенно принадлежат к одному и тому же типу, простейшей логической моделью которого является вышеуказанное правило брака.

Что же касается социальной организации, то ее наиболее распространенной формой в индоевропейском мире является, видимо, расширенная семья. Расширенная семья, как известно, состоит из множества побочных линий, объединенных территориальной общностью и сохраняющих определенную степень свободы в отношении заключения брачных союзов. Последнее условие является существенным, потому что, если бы все расширенные семьи (как *таковые*) были уподоблены партнерам в системе брачного обмена (например, семья А брала себе жен исключительно у Б, Б — у В и т.д.), расширенные семьи ничем не отличались бы от кланов.

Дифференциация побочных линий внутри расширенной семьи обеспечивается при индоевропейской системе многими путями. В некоторых случаях (они до настоящего времени встречаются в Индии) предпочтительный брак в качестве обязательного предписывают только старшей линии, тогда как другие линии пользуются в этом отношении большей самостоятельностью, которая — за вычетом запрещенных степеней родства — может, доходить до полной свободы выбора. На наличие такой «образцовой» линии (то есть единственной в расширенной семье, подчиняющейся жесткому брачному правилу) указывает система родства древних славян, насколько ее вообще возможно воссоздать; эта обязанность заключения предпочтительных браков переходила в каждом поколении к новой линии.

При всех отклонениях в частности общей чертой индоевропейских систем родства остается то, что в основанных на расширенной семье общественных структурах разные линии, входящие в состав каждой семьи, не подчинены единому правилу брака (правило всегда дано с мно-

жеством исключений). В итоге европейские системы родства используют весьма небольшое количество терминов, отношения родства формулируются в них по отношению к субъекту, и по мере того, как переходят к более отдаленным степеням родства, термины становятся все более смутными и немногочисленными. Такие термины, как «мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра», еще обладают относительной точностью. Но уже термины «дядя» и «тетя» весьма эластичны. А других терминов практически нет. Европейские системы родства являются, следовательно, системами эгоцентрическими.

Теперь о сино-тибетской зоне. В ней рядоположно встречаются два типа брачных правил. Первое из них эквивалентно описанному выше индоевропейскому правилу. Второе в его простейшей форме можно определить как частный случай предыдущего типа или как брак посредством обмена. Вместо того чтобы интегрировать любое количество групп, вторая система работает только с их четным числом, поскольку обменивающиеся группы всегда группируются по двое.

Для социальной организации в этом регионе характерны простые и сложные формы кланов. Тем не менее эта сложность никогда не реализуется в них органически (как это происходит в расширенных семьях). Она скорее механически следует из подразделения кланов на линии, то есть число элементов может возрастать, но сама структура остается простой. Такие системы родства часто прибегают к большому количеству терминов. Так, китайские системы родства насчитывают в своем составе сотни терминов, и из комбинаций элементарных терминов можно создавать бесконечное число новых. При этом нет настолько отдаленной степени родства, которая не могла бы быть описана с той же точностью, что и степень самая близкая. В данном случае мы имеем дело с совершенно объективной системой родства. По мнению А.Кребера, невозможно вообразить себе двух более различных систем родства, чем китайская и европейская.

Мы пришли к следующим выводам. В индоевропейской зоне социальная структура и брачные правила просты, но элементы (социальная организация), предназначенные выражать эту структуру, многочисленны и сложны. В сино-тибетской зоне имеет место обратное положение дел. Структура там сложна, так как она рядопологает и интегрирует два типа брачных правил, зато социальная организация (кланового или эквивалентного этому типу) отличается простотой. Кроме того в плане терминологии, уже на лингвистическом уровне, оппозиция между *структурой* и

элементами остается в силе как в том, что касается структуры (в одном случае она субъективная, в другом — объективная), так и в том, что касается числа терминов (в одном случае их много, в другом — немного).

Итак, возникает вопрос: не можем ли мы вступить в диалог с лингвистами при таком представлении о социальной структуре? На предыдущем заседании Роман Якобсон выделил фундаментальные свойства индоевропейских языков. В них, говорил он, наблюдается разрыв между формой и содержанием, многочисленные исключения из правил, большая свобода в выборе средств для выражения одной и той же идеи. Разве все эти свойства не напоминают того, что мы сказали по поводу социальной структуры?

Для того чтобы правильно определить отношения между языком и культурой, необходимо, как мне представляется, с самого начала исключить две гипотезы. Согласно первой из них, между этими двумя системами вообще нельзя проследить никакого отношения. Согласно второй, имеет место тотальное соответствие между ними на всех уровнях. В первом случае нам пришлось бы иметь дело с неартикулированным и измельченным человеческим духом, состоящим из множества комнат, между которыми невозможна никакая коммуникация; эта поистине странная ситуация не имела бы аналога в других областях психической жизни. Но если соответствие между языком и культурой было бы абсолютным, лингвистам и антропологам не пришлось бы дискутировать здесь по этому вопросу.

Моя рабочая гипотеза является, следовательно, промежуточной: между конкретными сторонами и конкретными уровнями возможны некоторые виды соответствия, и речь для нас идет о нахождении этих аспектов и этих уровней. В этом поиске могут сотрудничать антропологи и лингвисты. Но основную выгоду от этих открытий получит не антропология и не лингвистика в их современном понимании — открытия эти обогатят, прежде всего, науку новую и вместе с тем древнюю, антропологию в широком смысле этого слова, то есть познание человека, объединяющее в себе различные методы и различные дисциплины; познание, которое со временем откроет нам скрытые пружины, движущие не приглашенным, но присутствующим на нашем диспуте гостем — человеческим духом.

Перевод Л.А.Мостовой

Мостова Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии Московского авиационного института.

ГРЕГОРИ БЕЙТСОН

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТАКТ И СХИЗМОГЕНЕЗ*

От переводчика

Грегори Бейтсон (1904–1980) — англо-американский ученый и мыслитель. Родился в семье с богатыми интеллектуальными традициями (отец — Уильям Бейтсон, известный генетик). С детства глубоко впитал тот дух широкого энциклопедизма и неустанного научного поиска, который в Новое время был так свойствен английской научной школе, что и помогло ему создать поистине уникальный синтез самых разных дисциплин (антропологии, социологии, психологии, психиатрии, зоологии, кибернетики, теории систем и т.д.). Несмотря на то, что Г.Бейтсон внес оригинальный вклад в антропологию (новаторские методы анализа, в том числе и один из первых опытов применения в антропологическом исследовании методов фото- и кино съемки; понятие схизмогенеза, новый подход к изучению первобытного искусства и т.д.), психиатрию (теория семейного генезиса шизофрении, концепция «двойной связи», или «двойного зажима»), зоологию и этологию (прежде всего, изучение игры у животных), психологию (та же теория игры, концепция «дейтеронаучения», концепция «рамок»), семиотику, коммуникативистику (анализ метакоммуникации), теорию эволюции, экологию, предложил ряд трудно поддающихся отнесению к той или иной дисциплине новаторских теоретических разработок (теория алкоголизма, исследование «формы» и «паттерна» как таковых, исследование природы «смысла», изучение роли «контекстов» в процессе эволюции и т.д.), имя его довольно редко упоминается в научной литературе по этим дисциплинам — и именно в силу самой неидентифицируемости Бейтсона ни с одной из этих специализированных дисциплин. Бейтсон

* Перевод очерка «Культурный контакт и схизмогенез» выполнен В.Г.Николаевым по изданию: Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. L.: Intertext Books, 1972. P. 61–72. Целиком вся дискуссия, частью которой стала эта статья, опубликована в сборнике *Beyond the Frontier* под редакцией Пола Боханнона и Фреда Плога. Она воспроизведена без изменений по первой публикации: *Man*, Article 199, Vol. XXXV, 1935, с разрешения Королевского Антропологического Института Великобритании и Ирландии.

Грегори Бейтсон (1904–1980) — известный американский социальный ученый, автор ряда концепций междисциплинарной направленности.